

DOI:

ЭТНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ОСЕТИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ СУБКУЛЬТУР

Хадикова Алина Хазметовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел этнологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абиева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-8106-8853>; khadikovaa@mai.lru

Статья нацелена на обобщенный анализ социально-исторической природы современной этнической личности у осетин, а именно – качеств мужской и женской ипостасей этнофора на фоне исторически сформировавшихся традиционных гендерных субкультур и их все еще актуальных трансформаций. В рамках примененного в данном изыскании историко-ретроспективного подхода характеристики и качества этнической личности исследуются в привязке к архаическому и традиционному этапам этнической истории осетинского этноса. При этом автор уточняет, что апеллирует не к классификационным характеристикам типов обществ, а к последовательной сменяемости разных периодов в исторической судьбе народа. Под архаикой подразумевается реальность скифо-сармато-аланского этнического и культурно-идеологического единства, под традиционным периодом – патриархальный общественный и семейный уклад горских осетинских обществ со времени появления письменных источников и вплоть до начала XX в., когда сила обычая была еще велика. Исследование опирается на письменные источники, включая мифологические тексты, а также данные опроса, организованного автором в 2022-2023 гг. для выявления личностных свойств современного этнофора. Было выявлено, что в рамках мужской субкультуры этнографическая самобытность обозначенных выше исторических этапов была органично совмещена в признаки, которые продолжают моделировать образ «подлинного» осетина-современника. В женской субкультуре они сложились в некие коллизии, их разбор представлен в статье. Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что личностные образцы прошлого более ассоциированы с мужской субкультурой и, соответственно, с образом/идеалом мужчины. Компоненты этнического концепта «настоящего» мужчины «Лæгдзинад» присутствуют в современных процессах проецирования этнической тезы «мы», что позволяет считать их существенным фактором нематериальной части этнокультурного наследия осетин, оснащенного весомым этноидентификационным ресурсом.

Ключевые слова: осетинский этнос, этническая личность, традиционные мужская и женская субкультуры, этнические нравственные и

поведенческие стереотипы, культурные трансформации, этноидентификационный потенциал, современный этнофор.

Для цитирования: Хадикова А.Х. Этническая личность осетин в исторической изменчивости мужской и женской субкультур // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 24 (31). С. 227-238. DOI:

*Блажен, кто душой и умом
Прославлен в народе своем,
Чье ценится веское мнение!*

К.Л. Хетагуров.

Введение

Статья является частью и продолжением более широкого изучения свойств и качеств этнофора-осетина, выполненного в предметном поле этнологии. Обращение к этноидентификационному потенциалу нравственно-мотивационных ориентиров этноса, его субъективных рефлексий и этнических образов стало одной из современных тенденций этой науки. Автор исходит из того положения, что этнокультура, включая личностные идеалы с соответствующими им поведенческими стереотипами, ценностными и духовно-этическими приоритетами, формируется исторически и отражает конкретные этапы пройденного народом пути.

Данное изыскание нацелено на обобщенный обзор качеств этнической личности в аспекте социальной природы и исторической изменчивости гендерных субкультур как части этнокультурного наследия осетинского этноса. Опыт прошлых исследований убеждает автора в целесообразности историко-ретроспективного подхода в привязке к «архаическому» и «традиционному» этапам этнической истории осетин. При этом необходимо указать на относительную условность подобной универсализации, поскольку в данном контексте нет отсылок к классификационным признакам социальных типов общества, а лишь обозначается последовательность этапов этнической истории осетин, включая самый ранний из них – этногенез. Под исторической архаикой подразумевается культурная реальность скифо-сармато-аланского этнического и культурно-идеологического единства – создателей и прообразов нартского мира [1]. Под традиционным периодом – патриархальный уклад осетинских горских обществ от появления письменных источников и до первой четверти XX в., когда сила обычая сохранялась.

Помимо письменных источников исследование опирается на материалы опроса, проведенного автором в 2022-2023 гг. среди этнических осетин разных поколений с целью выявления субъектных характеристик современного этноса.

Основная часть

В ресурсе примененного автором историко-ретроспективного подхода необходимо подчеркнуть решающее значение категорий биосоциальной стратификации общества (пола и возраста) как универсального явления ран-

них этапов социогенеза. Объективно сформировавшееся социокультурное сопровождение пола и возраста типологически заложено в основу базовых культурно-ментальных характеристик каждого этноса. Разница лишь в том, какой статус связанных с ними накоплений обнаруживает исследователь: пережиточный, либо актуальный.

В мире осетинских традиций социокультурное осмысление личностных характеристик весьма велико. Поведенческие и нравственные установки, свойственные определенному полу, отражали системно-идеологические концепты «лица» человека («Цæсгом»), его «доброго/честного имени» («Кады ном»), а также «кодекса мужчины» – «Лæгдзинад» и др. Их конкретная реализация осуществлялась посредством «уставов» благопристойности, таких как æфсарм (совесть), нымд (застенчивость), уаг (норма поведения) и др. В период господства обычного права идейным стержнем традиционной системы социализации осетин, ее сверхцелью было обретение и сохранение высокого личного авторитета. Отражением подобной ментальной базы являются строки народного осетинского поэта Коста Хетагурова, вынесенные в эпиграф.

Анализ письменных этнографических источников традиционного периода показывает картину чрезвычайной ориентированности осетин на общественное мнение: «Обязанности, возлагаемые на осетина обычаем, иногда превышают всякие человеческие силы, но он должен исполнять их. В противном случае он рискует потерять всякое человеческое достоинство... ему руки никто не подаст» [2, 76]. Есть основания полагать, что в данном контексте «обычай» ассоциирован со строгими самоограничительными требованиями *Лæгдзинад*. Анализ этого древнего понятия убеждает автора в уместности обозначения им всего комплекса мужской субкультуры. Прямому переводу на русский язык этот аутентичный термин не подлежит, попытки толковать его как «мужество» некорректны, поскольку *Лæгдзинад* является концептом, включающим духовно-идеологические, морально-этические, эстетические требования к мужчине – это мера его жизненного долга, достойно пройденного земного пути и загробного воздаяния.

Лæгдзинад репродуцирует идеологические принципы, основным целеполаганием которых является победа, добытая, однако, только на определенных условиях. Это милование раненых и мирного населения, неприемлемость боевого нападения без предупреждения и прочее. Этика «воина», отчетливо присутствующая в основе мужской субкультуры, вкупе с основными положениями научного алановедения позволяет предположить, что *Лæгдзинад*, с присущей ему концепцией личности, был сложен в недрах военно-иерархического уклада алан и их воинственных североиранских предшественников. Идею формирования феномена рыцарства именно в этой этнокультурной среде с последующим влиянием на европейскую цивилизацию предложил итальянский медиевист Ф. Кардини. Ученый полагал, что вместе с основами воинского искусства другими народами были переняты и особенный стиль поведения, нормы обхождения и идеология конного воина-рыцаря [3, 120].

Помимо отваги, *Лæгдзинад* предписывает качества сдержанности, доходящей до аскетизма: намек на чувство голода «считается большим бесстыдством» [3, 41]. Также «никакие физическая боль и страдание не должны вызы-

вать у него ни одного стога или жалобы» [3, 96]. Мужчина этики и принципов *Лæгдзинад* обязан демонстрировать свою эмоциональную неуживчивость, скрывая даже чувство привязанности к собственным детям [4, 432]. Для того, кто читает *Лæгдзинад*, недопустимы любые формы импульсивной агрессии, В.Б. Пфаф, к примеру, писал, что никогда не слышал от осетин резких слов в публичных местах [5, 187]. Также человеку этики *Лæгдзинад* необходимо откликаться на любой призыв о помощи, независимо от статуса просящего. Разумеется, в концепцию «лица» мужчины входили и нормы взаимоотношений с противоположным полом, на сей счет существует множество примеров, ограничимся только одним из них: «Двусмысленное слово в присутствии женщины, неосторожное движение во время танца, непристойная развязность с девушкой вооружает против провинившегося всю молодежь» [4, 439].

Все перечисленное есть концептуализированное представление осетин о «честь» мужчины, ревностным хранителем которой должен быть каждый из них. Мифологический Батрадз признается лучшим из всех нартов не только потому, что следует всем этим принципам чести. Намного важнее то, что «никому не позволит он совершить при себе бесчестье» [6, 312].

Ресурс самых разных письменных источников в совокупности с анализом некоторых этнических практик осетин обосновывают вывод о том, что неписанные законы *Лæгдзинад* формируют саму основу этнической ментальности осетин, которая при прицельном исследовании оказывается «мужской». То есть сформированной в исторической и социальной реальности военно-иерархического уклада. В коммуникативную часть этой «воинственной» / «мужской» сферы обычаи были включены и женщины. В архаический период органично, в традиционный – в реликтовых актах.

В аспекте анализа исторической изменчивости мужской субкультуры необходимо сосредоточиться на некоторых смысловых преобразованиях, в частности, в поле межвозрастного общения. Этимология привычных для современных осетин понятий возраста по своей сути имеет социально-должностное содержание: осетинский «старший» / «хистæр» происходит от древнеиндийского «hvaistra» – «главный участник какого-либо действия», «главный деятель» [7, 89]. Существующие на этот счет иные оригинальные концепции высказанному нами тезису не противоречат [8].

Переход от свойственного аланам убеждения: «считался счастливым тот, кто выпускал дух в сражении, а стариков... они преследуют жестокими насмешками как выродков и трусов» [9, 163] до уважительного отношения к пожилым людям отражен в эпических сюжетных линиях с Урузмагом. Персонаж переживает связанное со старостью отторжение общества нартов, но в этом же сказании возвращает себе позиции самого уважаемого нарта, но уже в качестве мудрого старшего воина [10, 98]. Отметим, что при весьма развитом у осетин традиционного периода почитании старших, их руководство «было совершенно лишено принудительного характера, оно принималось свободно» [11, 78].

Серьезные трансформации в традиционный период произошли и в воззрениях на физический труд – преломление от идеала «героя» к образу мужчины-труженика представлено И. Кануковым: «позабыв дедовское презрение

к труду, я взялся за этот труд» [12, 83]. После присоединения к Российской империи к лучшим качествам мужчины было добавлено и стремление к образованию.

Коста Хетагуров способствовал дальнейшему осмыслению учения в качестве достойного «мужского» намерения. В годы, как он считал, эмоциональной потерянности своего народа для побуждения к этническому возрождению Хетагуров поднимает древние смыслы, призывая соотечественников к «подлинно мужским» поступкам: «Иу-ма уæ фезмæлæд искуы лæгау!» ('Хотя бы один пусть поступит как мужчина!') [4, 74]. Однако этот же мотивационный ресурс «настоящего мужчины» он выбирает в популяризации образования, изложив призывы к нему в стихотворении под названием «Лæгау» («Будь мужчиной») [4, 173].

Обращаясь к мощному архетипу этнической культуры своего народа – личностному образу «настоящего» мужчины, поэт пытался обогатить его и качеством жажды просвещения. Что и стало реальностью этого этноса: идея образования захватила осетин сразу же, как только это стало возможным. Уточним, что в субъективном мнении современных осетин хорошее образование входит в ряд важнейших качеств успеха обоих полов. Кстати сказать, женское образование в Осетии стало распространяться одновременно с мужским и в субъективном восприятии «традиционного» мира стало оцениваться весьма высоко.

Существенные изменения произошли и в народной педагогике. До начала XX в. основным приемом «мужского» воспитания оставалось соперничество, намеренно предлагаемое мальчикам и юношам своими старшими [13, 134]. В традиционном обществе сохранялись архаические ментальные реликты. В частности, не было сомнений в том, что только в постоянных состязаниях формируется характер «настоящего» мужчины. М. Ковалевский заметил наиболее желанную для осетин похвалу мальчику – им была высказанная уверенность в том, что юноша сформируется в «стойка-храбреца, способного на все» [14, 282].

Информативная деталь: первую осетинскую интеллигенцию составили офицеры, и выбор военных профессий, как наиболее предпочтительных для мужчин, сохранялся на протяжении всего XX столетия [15, 234]. Немного забегая вперед, отметим, что он остается таковым по сию пору.

Как уже указывалось, важнейшим компонентом *Лæгдзинад* является почтение к женщине. Необходимо пояснить, что, если в мужской субкультуре качества разных эпох (храбрость и трудолюбие) дополнили друг друга вполне созвучно, то в женской они организовались в коллизии, подчас противоречащие друг другу. Женщины архаического периода были активно включены в этику воинского уклада. Источники указывают на факт боевой, соответственно, социальной дееспособности женщин скифо-сармато-аланского мира, их владении боевыми навыками [16, 123] и, соответственно, участии в битвах и последующих пирах победителей. В пользу последнего предположения свидетельствуют и практики участия женщин в ритуале с чашей, имеющем, еще по Геродоту, отчетливое воинственное происхождение [16, 28]. Факт его сквозной преемственности в 1881 г. был отмечен Вс. Миллером: «Возьмем ли мы сармата

(скифа) времен Геродота, аланина времен Аммиана Марцеллина или осетина недавнего прошлого, во всех них окажутся знакомые черты» [17, 67].

Женщины нартовского (по сути – скифо-сарматского) мира боеспособны и самостоятельны. Осетинские женщины мира традиционного по-прежнему вовлечены в семантику боевых почестей почетного бокала «Кады нуазæн», но они, возможно, сохраняют и боевые навыки, будучи способными с использованием оружия отразить нападение [18, 375], отомстить за братьев [19, 30] и т.д. Однако в целом источники фиксируют их подчиненный статус в рамках больших семей. Патриархальный уклад демонстрировал такой порядок взаимоотношения полов, при котором женщины придерживались поведенческого кодекса «кæстæриуæг» «младшинства», подчас с необычайными проявлениями захоронения невестки в семейном склепе в положении стоя [19, 43–44]. Социализация девочек была ориентирована на формирование женщины, которая бы «ни чем так не гордилась, как умением услужить мужу» [20, 170].

Казалось бы, все перспективы женской компетентности замкнуты ее семейным кругом. В патриархальном осетинском обществе так и было. Но вот интересный нюанс. В системе воспитания девочек, их подготовки к назначению домашней труженицы обнаруживается намерение привить им и «светские» навыки. В 1830 г. Г. Гордеев заметил: «Девушки не скрываются от глаз... чужестранцев и могут ответствовать скромно на все их вопросы» [21]. Казуистика более престижного статуса женщин при их выходе «в общество» [12, 65] не ускользнула и от внимания одного из первых исследователей осетин М. Ковалевского: «уважение к женщине... высоко... главным образом, вне семейства» [14, 254–255].

Патриархальный уклад оказался не в силах отменить не только ритуальную причастность женщин к сакральным практикам мужского застолья [22, 14]. Женщины, особенно наиболее авторитетные старицы, оставались влиятельными акторами общественной жизни: на одном из полотен осетинского художника М.С. Туганова (1881–1952) представлен достоверный факт приглашения на «военный совет» старухи Гадзи Бадтиевой. Примечательно, что она едет туда в сопровождении свиты, в которую входят и молодые женщины-всадницы. Институциональным же примером женского наставничества является фигура *æфсин* (хозяйки) – соруководительницы главы большого семейства *хицау*, пользующейся авторитетом и за пределами своего семейного коллектива.

Упомянем и другие нетипичные для патриархального уклада факты: реликтовое дарение теще коня «фаты бæх» [23], иногда оружия, действенное участие женщин в актах примирения кровников, в отправлении похоронной обрядности (за исключением мусульман), авторитетное вмешательство старшей женщины семьи в вопросы замужества девушек и т.д. В целом, по утверждению носителя этнокультуры С.В. Кокиева, многие старухи «приобретают равноправность с мужчинами» [2, 81]. Таким образом, коммуникации семейного и общественного уровней фиксировали разный престижный ресурс женщин: в первом случае – женское «младшинство», во втором – формальный статус, равный мужскому.

Теперь обратимся к анализу эмпирического материала и субъектным ха-

рактикостикам современных осетин. Опрос высветил трансформационные формы интересующих нас субкультур, но при этом многие аутентичные смыслы древнего *Лæгдзинад* оказались сохранены и даже оживлены в алгоритме неоархаики и неотрадиционализма – процессов, возникших как реакция на свойственные многим современным народам тенденции глоколизации. Прежде всего, стоит указать на смысловое сопровождение уже неоднократно упомянутого здесь ритуального комплекса *Кады нуазæн*. И уточнить: если на протяжении XX и начала XXI в. он сохранялся как медиативный центр коллективной молитвы, то сейчас наблюдается реактуализация социальной семантики почетного бокала. Публичным преподнесением «нуазæн» общество вновь поощряет мужчин за их «славные» дела. С недавних пор привычной практикой в Осетии стало подобное чествование молодых людей – победителей спортивных состязаний при их встрече прямо в аэропорту. Уточним, что опрос отразил абсолютную осведомленность информантов, включая самых молодых (17-18 лет), и о семантике «кады нуазæн», и о факте его причастности к скифо-алано-осетинской преемственности.

Опрос также выявил, что одну из самых значимых позиций в концепте *Лæгдзинад* по-прежнему занимает «победа», а ее пожелание – «*уæлахиз у!*» – остается самым распространенным в отношении молодых мужчин. При весьма слабом знании современными молодыми осетинами народных пословиц и поговорок своеобразный девиз *Лæгдзинад*: «Худинаджы бæсты – мæлæт» /«Лучше смерть, чем позор» назвали все. Мы вынуждены уточнить: все, владеющие родным языком.

О других адаптациях «кодекса мужчины»: по-прежнему лидируют качества храбрости и отваги, сразу после них указывается качество личной ответственности. В ряду других основных предпочтений указаны целеустремленность, хорошее образование, активная жизненная позиция, способности успешно коммуницировать («жить среди людей»), создавать материальную базу. В числе значимых мужских характеристик названы качества скромности, уважения к старшим, к женщинам, преданности дружбе, готовности прийти на помощь, законопослушности, внешней опрятности. Что обнаруживает максимальную степень сходства с теми характеристиками «лучшего» мужчины, которые представлены в мифологических и письменных этнографических источниках. Уточним, что из всех предложенных информантам этнических концептов именно *Лæгдзинад* получил максимально аутентичное толкование. Эмоционально он оценивается в высшей степени позитивно и ассоциируется с качествами достоинства, благородства, человеколюбия и прочего похожего.

Об основных трансформациях *Лæгдзинад*: прежние принципы воспитания «настоящего» мужчины не показали оценочного единения поколений, студенты, в особенности горожане, их не поддерживали. На вопрос о готовности воспитывать сына в строгости положительно ответили около 70 % информантов старше 40 лет с комментариями, что только так можно сформировать волю и мужской характер. Студенты же строгость в воспитании юношей связали с родительским абюзом, показав большую приверженность положениям современного психологического коучинга, нежели социальному опыту предков. Приемлемость другого, некогда важного принципа формирования

качеств «победителя» – намеренного поддержания в юношах духа соперничества, отвергли информанты всех поколений.

Было замечено отчетливое противоречие относительно всесильного ранее фактора общественного мнения, все еще актуального для старших поколений. Молодые же осетины, по-прежнему высоко оценивая важность обретения личного авторитета, не склонны ориентироваться на общественное мнение. Среди ответов встречались сожаления по поводу все-таки присутствующей у молодых людей оглядки на общественное мнение, совмещенное с желанием избавиться от него при помощи психолога.

Достаточно серьезные дальнейшие изменения претерпел и принцип старшинства. Прежние приоритеты «старшего» принимают лишь на уровне этикета: все готовы уступить пожилому человеку более комфортное место, приветствовать его стоя и т.д. Но молодые информанты согласны принять лидерство лишь тех старших, чья жизнь может стать для них примером. Молодые осетины не проявили склонности поддерживать патриархальные ценности, предпочитая учитывать лишь личные качества каждого.

В отношении гендерного аспекта: анализ материала свидетельствует об устойчивых позициях равного социального статуса и полномочий полов. Убеждений в исключительно семейном предназначении женщин не выявлено, ограничивать их домашними делами современные осетины не склонны. Ни один из информантов категорически не отверг возможности работать под женским руководством. Высказанные при этом предпочтения качеств руководителя гендерного подтекста не имели.

В субъективных представлениях осетин наиболее престижными профессиями для мужчин по-прежнему остается служба в силовых структурах, для женщин – медицинские и педагогические специальности. В этом смысле за полвека не произошло никаких изменений [15, 234], за исключением одобрения занятий программированием. Свойственные народу личностные идеалы, как и традиционные гендерные культуры, нынешними осетинами воспринимаются как ценное культурное наследие. Несмотря на оговорку, что потребности текущего дня едва ли могут их поддержать.

Заключение

В результате анализа материала было выявлено:

- в современных процессах проецирования этнической тезы «мы» присутствует позитивная оценка личностных идеалов прошлого: «настоящих» осетин, мужчины и женщины. Что наделяет их отчетливым этноидентификационным ресурсом и позволяет причислять к нематериальной части этнокультурного наследия этого народа;

- в субъективном восприятии осетинским этнофорством и образа «предка», и «себя лучшего» имеет место ориентированность на архетип мужчины. Хотя представления о «подлинной» осетинской женщине также вполне сформированы, на уровне свойственной народу идеологии превалирует мужской образ, он выстроен более детально. Наибольшая осведомленность информантов обнаружена именно в отношении феномена «*Лæгдзинад*», включая не вполне ориентированное на обычай молодое поколение. Составляющие его личностные характеристики по-прежнему присутствуют

в «концепции лица» этнофора-осетина, разумеется, на уровне этнических идеалов.

Анализ данных показал, что в процессах трансформации мужской субкультуры были органично совмещены реалии военно-иерархического уклада алан (с их ориентацией только на физически активных мужчин) с последующими убеждениями и установками патриархального общества. Обнаружено активное воздействие этого синтеза на представления осетин о себе нынешних. Трансформации женской субкультуры демонстрируют достаточно значительный отход от патриархальных ценностей. Современный облик «настоящей» осетинки ориентирован на ее социальную активность и равноправное участие в публичном и политическом пространстве современного общества.

По совокупности проанализированных данных мы также имеем основания полагать, что субъективные образы «подлинных» мужчины и женщины достоверно отражают базовые этнические ценности каждого народа.

-
1. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.
  2. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. I. М.: Тип. Т. Рис, 1885. С. 67–112.
  3. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 374 с.
  4. Хетагуров К.Л. Произведения. Владикавказ: Ир, 2009. 624 с.
  5. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1871. С. 177–221.
  6. Осетинские нартские сказания. Владикавказ: Менеджер, 2010. 504 с.
  7. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. Т.4. U–Z. М.-Л.: Наука, 1989. 325 с.
  8. Гутиева Э.Т. Хистæр и кæстæр: парный языковой портрет осетинских слов старший/младший // Kavkaz-forum. 2025. Вып. 23 (30). С. 19–31. DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.001
  9. Античные источники о Северном Кавказе / сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Эльбрус, 1990. 307 с.
  10. Чибиров Л.А., Чибиров А.Л. Образ нарта Урузмага в осетинской «Нартиаде» // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 57. С. 98–104.
  11. Ванев З.Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1955. 104 с.
  12. Кануков И.Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. 471 с.
  13. Пфаф В.Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе / под ред. Н. Зейдлица Т. II. Тифлис: Тип. Канцелярии главного начальствующего гражд. частью на Кавказе, 1872. С. 80–144.
  14. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1–2. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. 756 с.

15. Хадиков Х.Х. Очерки этнической психологии осетин. Владикавказ: СОГУ, 2015. 364 с.
16. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. 1896. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1904. 365 с.
17. Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. Т. 9. С. 55–105.
18. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Кн. 3. Цхинвали: Ирыстон, 1887. 443 с.
19. Собиев И. Дигорское ущелье // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 4. Этнография. Оп. 1. Д. 58.
20. Марков Е.Л. Очерки Кавказа. СПб-М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1904. 706 с.
21. Гордеев Г.С. Вероисповедание, суеверие, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлисские ведомости. 1830. № 78.
22. Каргиев Б.М. Старинные обычаи и нравы осетин // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.
23. Дарчиев А.В. О значении коня фаты бæх в свадебной обрядности осетин // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 18 (57). С. 25–32.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025,
принята к публикации 21.11.2025,
опубликована 25.12.2025.

Khadikova, Alina Kh. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnology, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-8106-8853>; khadikovaa@mai.lru

THE ETHNIC PERSONALITY OF OSSETIANS IN THE HISTORICAL VARIABILITY OF MALE AND FEMALE SUBCULTURES.

Keywords: *Ossetian ethnic group, ethnic personality, traditional male and female subcultures, ethnic moral and behavioral stereotypes, cultural transformations, ethno-identification potential, modern ethnophor.*

This article aims to provide a comprehensive analysis of the socio-historical nature of the modern ethnic personality among Ossetians, specifically the qualities of the male and female hypostases of the ethnophor against the backdrop of historically formed traditional gender subcultures and their ongoing transformations. Within the framework of the historical-retrospective approach employed in this study, personality traits are examined in relation to the archaic and traditional stages of the ethnic history of the Ossetian ethnos. The author clarifies that she appeals not to the classification characteristics of social types, but to the consistent succession of different periods in the historical destiny of the people. By archaic is meant the reality of Scythian-Sarmatian-Alanian ethnic and cultural-ideological unity, while by traditional is meant the patriarchal social and

family structure of mountain Ossetian societies from the time of the appearance of written sources until the early XXth century, when the power of custom was still strong. The study draws on written sources, including mythological texts, as well as data from a survey conducted by the author in 2022-2023 to identify the personal characteristics of modern ethnophores. It was found that within the male subculture, the ethnographic distinctiveness of the aforementioned historical stages was organically combined into traits that continue to shape the image of the «authentic» contemporary Ossetian. In the female subculture, these traits collided, and their analysis is presented in the article. An analysis of the empirical data indicates that past personal patterns are more closely associated with the male subculture and, accordingly, with the image/ideal of a man. Components of the ethnic concept of the «real» man, «Lægdzinad,» are present in contemporary processes of projecting the ethnic thesis «we,» which allows them to be considered a significant factor in the intangible part of the Ossetian ethnocultural heritage, endowed with a significant ethno-identifying resource.

For citation: Khadikova, A.Kh. The ethnic personality of Ossetians in the historical variability of male and female subcultures. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 24 (31), pp. 227-238 (In Russian). DOI:

REFERENCES

1. Chibirov, L.A. *Osetinskaya Nartiada. Mifologicheskie istoki i areal'nye svyazi* [Ossetian Nartiada. Mythological sources and areal connections]. Vladikavkaz, Ir, 2016. 463 p.
2. Kokiev, S.V. *Zapiski o byte osetin* [Notes on the life of Ossetians]. *Sbornik materialov po ehtnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom ehtnograficheskom muzee* [Collection of materials on ethnography, published at the Dashkovo Ethnographic Museum]. Iss. I. Moscow, 1885, pp. 67–112.
3. Kardini, F. *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [Origins of Medieval Chivalry]. Moscow, Progress, 1987. 374 p.
4. Khetagurov, K.L. *Proizvedeniya* [Works]. Vladikavkaz, Ir, 2009. 624 p.
5. Pfaf, V.B. *Narodnoe pravo osetin* [Ossetian Popular Law]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of Information about the Caucasus]. Vol. 1. Tiflis, 1871, pp. 177–221.
6. *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Nart Tales]. Vladikavkaz, Menedzher, 2010. 504 p.
7. Abaev, V.I. *Istoriko-ehtimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 4 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. In 4 volumes]. Moscow–Leningrad, Nauka, 1989, vol. 4. U–Z. 325 p.
8. Gutieva, Eh.T. *Khistaer i kaestaer: parnyi yazykovoi portret osetinskikh slov starshii/mladshii* [Histæ and kæstæ: A Paired Linguistic Portrait of the Ossetian Words Senior/Junior]. *Kavkaz-forum* [Kavkaz-forum]. 2025, iss. 23 (30), pp. 19–31. DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.001
9. Atalikov, V.M. (comp.). *Antichnye istochniki o Severnom Kavkaze* [Ancient Sources on the North Caucasus]. Nalchik, Elbrus, 1990. 307 p.
10. Chibirov, L.A., Chibirov, A.L. *Obraz narta Uruzмага v osetinskoj «Nartiade»*

[The Image of the Nart Uruzmag in the Ossetian «Nartiada»]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Herald of Daghestan scientific center]. 2015, no. 57, pp. 98–104.

11. Vaneev, Z.N. *Iz istorii rodovogo byta v Yugo-Osetii* [From the History of Clan Life in South Ossetia]. Tbilisi, Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1955. 104 p.

12. Kanukov, I.D. *V osetinskom aule. Rasskazy, ocherki, publitsistika* [In the Ossetian Aul. Stories, Essays, Journalism]. Ordzhonikidze, Ir, 1985. 471 p.

13. Pfaf, V.B. *Ehtnologicheskie issledovaniya ob osetinakh* [Ethnological Research on the Ossetians]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of Information on the Caucasus]. Vol. II. Tiflis, 1872, pp. 80–144.

14. Kovalevskii, M.M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Modern Custom and Ancient Law. Ossetian Customary Law in a Historical and Comparative Light]. Vol. I–II. Moscow, 1886. 756 p.

15. Khadikov, Kh.Kh. *Ocherki ehtnicheskoi psikhologii osetin* [Essays on the Ethnic Psychology of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2015. 364 p.

16. Latyshev, V.V. *Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [News of Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus]. 1896, vol. 1. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1904. 365 p.

17. Miller, V.F. *V gorakh Osetii* [In the Mountains of Ossetia]. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1881, vol. 9. pp. 55–105.

18. Chibirov, L.A. (comp.). *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical Press of the Caucasus about Ossetia and the Ossetians]. Vol. III. Tskhinvali, Iryston, 1887. 443 p.

19. Sobiev, I. *Digorskoe ushchel'e* [Digorskoye Gorge]. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V.I. Abaeva (NA SOIGSI)* [Scientific Archive Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 4. Ethnography. Inventory 1. Case 58.

20. Markov, E.L. *Ocherki Kavkaza* [Essays on the Caucasus]. St. Petersburg–Moscow, 1904. 706 p.

21. Gordeev, G.S. *Veroispovedanie, sueverie, obryady, pravlenie, obychai i nrvy osetin* [Religion, superstition, rituals, government, customs and mores of the Ossetians]. *Tiflisskie vedomosti* [Tiflis News]. 1830, no. 78.

22. Kargiev, B.M. *Starinnye obychai i nrvy osetin* [Ancient customs and mores of the Ossetians]. *NA SOIGSI* [SA NOIHSS]. Fund 4. Inventory 1. Case 109.

23. Darchiev, A.V. *O znachenii konya faty bækx v svadebnoi obryadnosti osetin* [On the significance of the fata bækx horse in the wedding rituals of the Ossetians]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2015, iss. 18 (57), pp. 25–32.

The article was submitted 10.10.2025,
accepted for publication on 21.11.2025,
published 25.12.2025.